

Источник: Кузнецов Ф. Ф. Александр Яшин продолжает спор / Ф. Кузнецов // За все в ответе : нравственные искания в современной прозе и методология критики / Ф. Кузнецов. — Москва, 1984. — С. 76–100.

#### АЛЕКСАНДР ЯШИН ПРОДОЛЖАЕТ СПОР

Спор этот, выявивший две крайние точки зрения и четко обозначивший проблему, начался не сегодня.

Начало ему положила, пожалуй, известная статья В. Солоухина «Диалог», опубликованная в «Литературной газете» еще 3 декабря 1964 года. Ему отвечали в статьях «Продолжим диалог» и «О хороводах и дне нынешнем» Б. Можяев и А. Борщаговский («Литературная газета» от 24 декабря 1964 года).

В своей статье В. Солоухин вел диалог с воображаемым собеседником.

«Не так давно в разговоре с одним моим товарищем я высказал мысль, что духовный уровень нашей деревни поднялся на неизмеримую высоту,— начинает В. Солоухин свой «Диалог».— Я сказал об этом и не ожидал никакого возражения. Но возражение последовало, последовал воп-

рос, что понимать под «неизмеримой высотой духовной жизни деревни».

«— То есть как это что? — удивился будто бы В. Солоухин. — Это настолько элементарно, что, право, не стоит и говорить. В каждом доме радио, в каждом доме радиола. В некоторых домах телевизоры, много газет, клубы, велосипеды, комбайны, тракторы, рейсовый самолет садится в шестидесяти километрах от села.

— Наверное, мы говорим о разных вещах, — возразил ему воображаемый собеседник. — Очень часто ставят знак равенства между техническим прогрессом и духовной культурой. Но это разные вещи...»

Тогда автор попросил своего собеседника «сформулировать, как он понимает проблему нашего разговора.

— Охотно, — ответил гот. — Под духовной жизнью я понимаю красоту, которой окружает себя человек, проникновенное понимание этой красоты, глубокую радость от ее понимания. Пуще же всего — активное участие в создании красоты. Именно не только восприятие, но и соучастие, а может быть, даже чистое творчество.

— Ну и что же?

— Не спешите, я не договорил до конца. Посмотрим теперь, как подходят под мое определение выставленные вами духовные категории. Ну, велосипеды с автомобилями, пожалуй, отпадают сами собой. Газета все-таки тоже не эстетическая категория. Сказать ли вам, что радио, телевизор и радиола — это еще не вся духовная культура?»

Столь же сдержанное отношение собеседник В. Солоухина проявил и к кино, которое, на его взгляд, «рассчитано лишь на воспринимательскую функцию зрителя».

То же самое можно сказать и о книге: она по этой логике рассчитана лишь «на воспринимательскую функцию» читателя.

В чем же должна проявляться тогда «активная духовная жизнь» народа? На взгляд собеседника В. Солоухина, только в одном: в «активном участии в создании красоты».

«Кто создал замечательные, поражающие весь мир красотой многоголосые русские песни? Народ. Простые труженики, о духовной жизни которых мы сейчас говорим. Они пели всякий раз, когда собиравлись вместе на посиделках, на сговорах, на свадьбах, по дороге на сенокос, в праздники за столом, на улицах, водя хороводы. Пели пряхи, ямщики, матери над колыбелями, рыбаки на веслах, бурлаки. Короче говоря, пели все. Мало того что пели, — сочиняли.

Я считаю, что в этом заключается элемент активной духовной жизни деревенского человека. Он окружал себя красотой, сам ее создавал, сам ею активно пользовался.

И вот вместо того, чтобы создавать и соучаствовать, то есть в нашем случае артистически петь и наслаждаться пением, все сидят и слушают патефон с заигранными пластинками. Разве это не подмена активной духовной жизни?..»

«Итак, песня, одежда, нарядная национальная одежда, уникальная вышивка, уникальные кружева, русская сказка, фольклор и, наконец, обряд», обряд свадебный или, к примеру, хоровод — так представляет писатель решение поставленной им проблемы духовных ценностей, активной духовной жизни для современной деревни.

На первый взгляд программа во многом притягательная. Худо ли: деревня, в которой все пляшут и поют, водят хороводы в национальных одеждах на зеленом лугу, а по вечерам рассказывают сказки, занимаются резьбой по дереву, плетут кружева... Все остальное — и прежде всего труд на тех самых комбайнах, тракторах и автомобилях, которые, по мнению собеседника В. Солоухина, не имеют отношения к «духовной культуре», хозяйствования на земле, книги, газеты, кино, — выводится за пределы «активной духовной жизни» жителя деревни.

Из всего контекста статьи следует, что именно так жила русская деревня в прошлом.

Чтобы внести в это представление некоторый корректив и приблизить его к реальной исторической действительности, обратимся к Герцену, которому не откажешь ни в знании, ни в сочувствии миру русской деревни. Его творчество во многом страстное признание в любви к русскому крестьянину, в котором он видел главное действующее лицо истории. Вот что писал он о прославленных русских народных песнях:

«Русский крестьянин только песнями и облегчал свои страдания. Он постоянно поет: и когда работает, и когда правит лошадьми, и когда отдыхает на пороге избы. Отличает его песни от песен других славян, и даже малороссов, глубокая грусть. Слова их — жалоба, теряющаяся в равнинах, таких же беспредельных, как его горе, в хмурых еловых лесах в бесконечных степях, не встречая дружеского отклика. Эта грусть — не страстный порыв к чему-то идеальному, в ней нет ничего романтического, ничего похожего на болезненные монашеские грезы, подобно

немецким песням,— это скорбь сломленной роком личности, это упрек судьбе, «судьбе-мачехе, горькой долюшке», это подавляемое желание, не смеющее заявить о себе иным образом, это песня женщины, угнетаемой мужем, и мужа, угнетаемого своим отцом, деревенским старостой, наконец — всех угнетаемых помещиком или царем; это глубокая любовь, страстная, несчастливая, но земная и реальная.

В печали или буйном веселье, в рабстве или анархии русский жил всю жизнь, как бродяга, без очага и крова, или был поглощен общиной; терялся в семье или ходил свободный среди лесов с ножом за поясом. В обоих случаях песня выражала ту же жалобу, то же разочарование: в ней глухо звучал голос, вещавший, что природным силам негде развернуться, что им не по себе в этой жизни, которую теснит общественный строй» (VII, 185—186).

Я привел столь обширную выписку из работы А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» ради того, чтобы читатель воочию увидел два разных подхода к «поражающим весь мир красотой многоголосым русским песням»: этнографический и социальный.

Я был свидетелем, как эти два подхода столкнулись в пылом споре уже в наши дни, вскоре после выхода статьи В. Солоухина, когда, в дни Второго съезда писателей РСФСР, встретились за одним столом писатели — по рождению все как один вологодские, архангельские, владимирские. Дружное и вполне солидное застолье с пущатым в центре стола самоваром скоро превратилось то ли в диспут, то ли в сходку, то ли в комсомольское собрание. До конца дней своих буду помнить исполненную пафоса, страстную, как все, что бы он ни делал, ни писал, ни говорил, речь покойного Александра Яковлевича Яшина. «Володимир Алексеевич! — заклинал он своего давнего друга и товарища. — Я прошу тебя: больше таких статей не пиши. Потому что за этим — неправда, не этого ждет сегодня деревня, не об том печется, не к тому стремится, другого ей недостает!..»

В дневниках А. Яшина, по свидетельству вдовы поэта З. К. Яшиной, сохранилась запись, относящаяся к той поре, чуть ли не дословно повторяющая эту его мысль, со свойственной ему прямоотой высказанную В. Солоухину, которого он уважал и любил. В его архиве и до сих пор хранятся номера «Литературной газеты» со статьей В. Солоухина и ответом Б. Можаяева и А. Борщаговского, испещренными

яшинскими пометками. Пометки эти чрезвычайно интересны и знаменательны.

А. Яшин, судя по всему, полностью солидаризировался с оппонентами В. Солоухина, резко ему возражавшими. Его внимание привлекает система аргументации Б. Можая и А. Борщаговского в их споре с В. Солоухиным.

Б. Можаяев пишет: «Солоухин прав, когда говорит, что свадьба была хорошо отрелетированным спектаклем. И крестины, и похороны, и праздники (а сколько их было в году!) — все это были тоже хорошо отрежиссированные спектакли. *Но были они по-своему красивы там, где опирались на достаток*», — подчеркивает А. Яшин последнюю фразу и ставит на полях два восклицательных знака.

Далее Б. Можаяев рассказывает о двух колхозах — об одном богатом, где сплошь новые пятистенки и клуб большой, и другом, где к людям внимания куда меньше: «На совринских лугах не услышишь песен. А пеньковские поют. Да как поют! По вечерам на высоком речном берегу они собираются у костра с гармошкой, разбиваются и на голоса, и с подголосками... А в пяти километрах ниже по реке лежат конювские луга. Попали мы на них в середине августа... Трава все еще не кошена... *Какие уж тут песни!*» — подчеркивает А. Яшин эту заключительную фразу. — Не будем наивными, скажем прямо: *любая культура прежде всего материальна*», — выделяет он эту мысль двумя галочками на полях, отмечая ее важность.

Дважды — зеленым, а потом красным карандашом — подчеркивает он, а потом еще отделяет двумя жирными скобками на полях то место в статье А. Борщаговского, в котором говорится: «Расписные деревянные ложки, *так нравящиеся* иным горожанам и приезжим туристам, по моим наблюдениям, оставляют равнодушными жителей деревень. *Жизнь заставляет их, жителей деревень, пока еще больше думать о том, чем эта ложка наполнится*».

Не надо забывать, когда завязалась эта дискуссия: декабрь 1964 года, канун мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 года, когда экономическое положение деревни во многих областях страны было крайне трудным. Для А. Яшина с его социальным пафосом отношения к жизни была неприемлема в принципе чисто эстетическая позиция В. Солоухина, без меры озабоченного в ту переломную для деревни пору игрищами, хороводами, кружевами, причетами. В этом были близки А. Яшину и Б. Можаяев, и

А. Борщаговский, самым решительным образом оспорившие те представления о духовной жизни села, которые предлагались В. Солоухиным.

«*Видите, как все просто* (подчеркнуто А. Яшиным.— Ф. К.)... Если вы научились понимать красоту или собирать старинную крестьянскую утварь, вы, стало быть, духовной жизнью обеспечены. А как же быть тогда с такими категориями, как нравственность, любовь, понятия о добре, о долге?..— задавал вопрос Б. Можяев.— Я, разумеется, не против уникальных кружев или красивой национальной одежды. Но писать о духовной жизни народа, о его нравственном облике следует, не глядя на мир сквозь уникальные кружева, не умиляясь при виде патефона или громкоговорителя, *а трезво взвешивая реальную действительность*» (подчеркнул А. Яшин.— Ф. К.)

«Справедливо протестуя против тех,— пишет А. Борщаговский,— кто ставит «...знак равенства между техническим прогрессом и народной культурой», В. Солоухин несколькими абзацами ниже совершает не меньший грех, сводя духовную жизнь к понятию *красоты*, тем самым неосмотрительно и несерьезно *обуживая область духовной жизни, духовного развития народа* (здесь и далее подчеркнуто А. Яшиным.— Ф. К.)... В. Солоухин, на первый взгляд, оказывает величайшее доверие деревенскому человеку — ждет от него сочинительства, «чистого творчества», «проникновенного понимания красоты», *на деле же он невольно игнорирует и самую жизнь, и кровные интересы, и нужды этого самого деревенского человека. Ему люб деревенский мир как некий обособленный, наивный, нетронутый, патриархальный мир остановившейся духовной жизни, а не трудная и прекрасная жизнь, развивающаяся в шаг со всей страной. А деревня ждет и жаждет другого: решения многих сложных хозяйственных проблем, вожделенного и осязаемого роста благосостояния, строительства дорог (а там, где вместо дорог — непролазная грязь, благословен будь жених, приехавший за невестой на самосвале, и не стоит, не следует смеяться над славным, находчивым пареньком), ждет магазинов, поражающих обилием продуктов, избытком умных книг, удобной, дешевой и вполне современной одеждой, ждет отличных фильмов... Непростительно игнорировать действительную жизнь народа!»*

Я намеренно в таком обилии цитирую эту давнюю, казалось бы, дискуссию,— она ярко и точно освещает весь

Следующий спор о судьбе сельщины. Вольно или неволью, но в контексте этого спора по-особому читается и воспринимается и двухтомник «Избранные произведения» Александра Яшина (первый том — стихи, второй — проза), выпущенный издательством «Художественная литература» в 1972 году.

Цикл «Бессонница» открывается стихотворением «Только на родине»:

Да, только здесь, на севере моем,  
Такие дали и такие зори.  
Дрейфующие льдины в Белом море,  
Игра сполохов на небе ночном.  
Нехожеными кажутся леса,  
Бездонными — озерные затоны.  
Неслыханнми — птичьи голоса,  
Невиданными — каменные склоны.

Здесь, словно в сказке, каждая тропа  
Вас к роднику выводит непременно.  
Здесь каждая деревня так любя,  
Как будто в ней красоты всей вселенной.

И уж, конечно, нет нигде людей  
Такой души, и прямоты, и силы,  
И девушек таких вот, строгих, милых,  
Как здесь, в лесах,  
На родине моей.

Оборвись стихотворение на этой строфе — и оно не было бы яшинским. Ушла бы его улыбка, строгая, кристальная чистота его поэзии, целомудренная во всем, но в особенности — в чувстве родины. Всеми его внутреннему душевному облику претило нескромное стремление к исключительности, ревнивой надменности — в утверждении себя ли, малой или большой своей родины. А потому стихотворение «Только на родине» с его мягкой — как бы и в шутку, и всерьез — интонацией завершается так:

Но если б вырос я в другом краю,  
То все неповторимое,  
Как чудо,  
Переместилось, верно бы, отсюда  
В тот край, другой —  
На родину мою.

Такое — подлинно высокое, благородное — понимание темы родины, России, отмеченное предельной душевной деликатностью и одновременно — гражданственностью и со-

циальностью,—пронизывает все творчество А. Яшина — поэта и прозаика. Убежденнейший интернационалист и гуманист, он мыслит любовь к родине только как активное, действенное, горячее и участливое к людям чувство: «Спешите на выручку, других зови,— пусть не найдется душ глухих и жестких! Без этого к чему слова любви о родине, о речках, о березках?!»

«Босиком по земле» — называлась одна из книг поэта. Его любовь и близость к родной русской северной природе диктовалась судьбой: «Я тутошний, из Блуднова, и это моя судьба» (стихотворение «Земной поклон»). Это было не холодное, чисто эстетическое, но опять-таки глубоко нравственное, одухотворенное человеческое чувство.

Это чувство выливалось порой под пером А. Яшина в гневную поэтическую публицистику — вспомним «Письмо в «Лесную газету», посвященное памяти Виталия Бианки:

Мы безмерно богаты.  
В наших чащах и рощах  
Столько всяких пернатых —  
Просто диву даешься.

Но спросите иного,  
Что он знает о птицах,  
Пусть ответит толково —  
И, гляди, удивится...

Ни за что не в ответе,  
Словно самую малость  
Нам на этой планете  
Жить и править осталось.

Не хозяева вроде,  
Так добро свое губим.  
А гордимся природой  
И отечество любим.

Как бесценный завет хранил А. Яшин шуточные слова Михаила Михайловича Пришвина, который во время одной из совместных прогулок с ним «подошел к толстой березе с поперечными черточками на коре, словно строчками стихов, разбитыми лесенкой, осмотрел ствол с одной, с другой стороны и сказал:

— Тут записей разных немало. Поэзии на целую книжку может хватить. Сколько разберете — все ваше».

Об этом рассказано А. Яшиным в цикле лирических миниатюр «Вместе с Пришвиным»: «Пристальность,



с какой вглядывался он в окружающий нас мир, в даль полей и лугов и в лесное многоэтажье, поражала меня,— пишет Яшин.— Пришвин видел и небо, и землю, всю глубину леса с его многонаселенностью, и все луговое многообразие, каждое зернышко в колоске, и каждую тычинку в соцветии, и никогда ни к чему живому не был равнодушен. Многие десятилетия он как одержимый бродил по земле-матушке от зари до зари то с ружьем, то с записной книжкой — то вскинув голову к небу, то не отрывая глаз от земли. Он дружил с природой не заискивая, без низкопоклонства, дружил на равных началах, и природа ничего от него не прятала».

А. Яшин мечтал, чтобы так же дружили с природой все люди. На худой конец — хотя бы его городские дети. Его рассказ «Угощаю рябиной», написанный им в 1965 году, — глубоко личное повествование о наивной попытке писателя «докричаться» до них, выросших в городе детей, да и до всех людей, «доказать им, что деревенское детство не только не хуже, а во многих отношениях даже лучше городского». Не рассказ, а своего рода лирическое размышление на тему, чрезвычайно близкую и важную для него и, кстати, во многом перекликающуюся с «Диалогом» В. Солоухина. Размышление о деревенской России и низкий писательский поклон ей.

Поклон и — вопрос. Вопрос, адресованный времени, детям и — самому себе.

«Дело в том, — повествует А. Яшин, — что я был и остаюсь деревенским, а дети мои городские и что тот огромный город, к жизни в котором я так и не привык, для них — любимая родина. И еще дело в том, что я не просто выходец из деревни, из хвойной глухомани, — а я есть сын крестьянина, они же понятия не имеют, что значит быть сыном крестьянина. Поди втолкуй им, что жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам — и мне трудно. Хорошо у них идут дела — и мне легко живется и пишется».

Об этом же А. Яшин написал и свою «Вологодскую свадьбу», также опубликованную в двухтомнике.

А в «Угощаю рябиной» он рассказывает: «Всей кожей своей я чувствую и жду, когда освободится эта земля из-под снега, и мне не все равно, чем засеют ее в нынешнем году, и какой она даст урожай, и будут ли обеспечены на зиму коровы кормами, а люди хлебом. Не могу я не

думать изо дня в день и о том, построен ли уже в моей деревне навес для машин или все еще они гниют и ржавеют под открытым небом, и когда же, наконец, будет поступать запчастей для них столько, сколько нужно, чтобы работа шла без перебоев, и о том, когда появятся первые проезжие дороги в моих родных местах, и когда сосновый сруб станет клубом, и о том, когда мои односельчане перестанут наконец глушить водку, а женщины горевать из-за этого.

А еще: сколько талантливых ребятишек растет сейчас в моей деревне, и все ли они выбьются в люди, заметит ли их вовремя кто-нибудь, и кем они станут?..»

Как видите, отношение Александра Яшина к родной северной деревне — глубоко и активно социальное, оно объемлет все стороны реальной, а отнюдь не иллюзорной, мечтательной, жизни колхозного села. Это отношение кровной, жизненной сопричастности, а не отвлеченной риторики. Вспомним известное стихотворение А. Яшина, написанное им в 1962 году, том самом, когда появилась и его «Вологодская свадьба», — «В бору случилось невозможное»:

В Блуднове появилось радио —  
Поет.  
Играет.  
Митингует.  
И до чего всех это радует  
И как волнует!

В бору случилось невозможное:  
Отбросив хвою,  
                                став столбами.  
Сто сосен придорожных ожило  
Под проводами...

«Народ — творец и хранитель народного искусства, а не просто радиослушатель и телезритель», — заканчивал В. Солоухин свою статью, основная мысль которой и состояла в том, что радио — не более как заменитель, так сказать, суррогат активной духовной жизни народа.

Между тем вслушайтесь, какой неподдельной радостью и торжеством наполнено яшинское «В Блуднове появилось радио...»:

Отныне стала небогатая  
Изба,  
                                где столько лет я прожил,  
Душе моей, навек засватанной,  
Еще дороже.

И снова верится и чудится,  
Что жизнь идет не стороною:  
Когда-нибудь, наверно, сбудется  
Все остальное.

Надо ли говорить, что за этими строками — подлинная любовь к родной стороне и ее жителям, глубокое знание ее нужд и чаяний, что устами Яшина здесь говорили сами крестьяне вологодской деревни Блудново. По глубочайшему убеждению А. Яшина, равно как и его земляков, счастье народной жизни надо искать не позади, не в некоем обособленном, наивном, нетронутом, патриархальном мире русской деревни, но — впереди, в наиболее полном и всестороннем развитии социалистических начал.

Диалог А. Яшина и В. Солоухина много дает для понимания последующих путей и противоречий развития так называемой «деревенской» прозы. Этот диалог, пожалуй, с наибольшей отчетливостью и резкостью выявлял зарождение, взаимопроникновение и одновременно — взаимоотталкивание двух тенденций в ее развитии, двух оттенков в подходе литературы (и критики) к жизни деревни, двух начал социально-философского мышления.

А. Яшин в статье В. Солоухина подчеркнул, выделил для себя следующие строки:

«— Возьмите какой-нибудь обыкновенный обряд, *допустим, свадьбу* (здесь и далее подчеркнуто А. Яшиным.— Ф. К.). Это был длинный, хорошо отрежиссированный спектакль, где зрители и участники — одно. Спектакль с песнями, с интермедиями, с продуманной символикой. Оно и понятно: свадьба — важное событие в жизни каждого человека.

— *Уж не предлагаете ли вы возродить старинные свадебные обряды?*

— Отнюдь. Я только не хочу, чтобы из быта народа, из его повседневности ушли некоторые элементы неподдельной, истинной красоты. В том числе и обряды. Образовался некий вакуум, который мы же обязаны заполнить. *А то мне недавно рассказали, как жених за невестой приехал — на чем бы вы думали? — на самосвале! Представьте, что вместо свадебного поезда (лошади, украшенные лентами, цветами и бубенцами) жених пожаловал бы на навознице, то есть на телеге, на которой возят навоз. Его прогнали бы от ворот. Это был бы позор невесте и всей ее родне. В этой истории самое неприятное не самосвал, а то,*

*что все отнеслись к этому спокойно, как будто бы так и надо...»*

Эту историю рассказал в «Вологодской свадьбе» А. Яшин. И все в самом деле отнеслись к этому спокойно — потому, что, как выяснилось по ходу дела, на то были свои причины:

«Жених, сваха, тысяцкий, дружка и все гости со стороны жениха приехали за невестой на самосвале: другой свободной машины на льнозаводе не оказалось. В кузове самосвала толстым слоем лежало свалаявшееся за сорок километров желтое сено...

Раньше забирали невесту и справляли свадьбу сначала в родном доме жениха, затем возвращались пригласить к родителям невесты. От заведенного порядка пришлось отступить и сделать все наоборот: отпировать у невесты и лишь после этого везти ее «на чужую сторону». Такая перемена диктовалась отсутствием транспорта и слишком большими перегонами взад-вперед».

Как справедливо писал Константин Симонов в предисловии к «Избранным произведениям» Александра Яшина в двух томах (М., «Художественная литература», 1972), «едва начав писать прозу, Яшин сразу заявил себя мастером. О его прозе немало спорили. Пожалуй, особенно много о «Вологодской свадьбе». Видели в ней недостатки и оплошности, порой действительные, порой мнимые. Но все это не отменяло главного — ощущения той глубокой любви к жизни и к людям, которой дышала эта проза».

Я не буду всесторонне анализировать «Вологодскую свадьбу» и скажу лишь о том, что считаю главным в ней. Смысл «Вологодской свадьбы» мне видится как раз в постижении судеб старых обычаев деревни в современных условиях жизни. Повесть начиналась описанием районного аэропорта, колоритных пассажиров «АН-2», направляющихся из деревень «на города» и возвращающихся из городов в родные деревни, — и как итог:

«Все очень буднично. Но именно эта будничность и волнует; авиация вошла в быт».

Писатель-реалист, в совершенстве владеющий бытописательным рисунком, А. Яшин воссоздал в своем, как сказали бы в прошлом веке, «физиологическом очерке» предельно точную, почти документальную, картину деревенской свадьбы, которая играет в условиях современной северной деревни, но еще во многом — по старинному обычаю. Очерк этот — художественный документ времени,

свидетельствующий, сколь причудливо переплеталось еще десятилетия назад в суземной, лесной глухомани старое и новое в быте деревни, как неудержимое движение действительности преобразило старые обычаи, весь прежний уклад крестьянской жизни.

В своем автобиографическом очерке «Немного о себе» А. Яшин писал о родных северных местах: «Таинственные волока, медвежьи буераки, жизнь среди охотников и звероловов таили в себе для детского возраста столько прелести, что, может быть, потому я склонен вспоминать из той поры больше хорошее, чем плохое и жестокое. Летними вечерами в мою родную деревню нередко вместе с коровами заходили с выгона лоси. И, кажется, нигде на свете не было такого множества грибов, ягод и таких прозрачных родников с живой водой (конечно, с живой!), как у нас. Новое и старое, самобытное как бы сплелось у нас в затейливые кружевные узоры. Рядом с колхозными электростанциями стоят еще деревянные шатровые церкви, а в Тарногском районе женщины и по сей день носят расшитые бисером кокошники».

Вот в каких местах игралась свадьба, описанная А. Яшиным,— вникнем в ее, вычеканенный писателем, непростой, запутанный узор.

«Я уже не очень верил, что сохранилось что-нибудь от старинных свадебных обрядов, и потому не особенно рвался за тысячу верст киселя хлебать, когда получал время от времени приглашения на свадьбу»,— приступает А. Яшин к рассказу об этом событии в жизни племянницы Гали из далекой вологодской деревни, сразу же обнаруживая свой особый, писательский интерес к этому действию.

И, приехав в гости к родне, он первым делом подмечает, какова судьба старых обрядов и обычаев. Скажем, с тех пор, как он не видел невесту, она не стала приглядней, осанистей, или, как здесь говорят, становитей. А между тем в деревне своей Галя считалась одной из лучших невест. Почему? «Она из очень работающего рода, а уважение к такому наследству живет в крестьянах и поныне»,— поясняет А. Яшин, и по всему видно, что это нравится ему.

Сама Галя работает на льнозаводе, там-то она и нашла своего жениха. «Шибко далеко! — горюет мать невесты, Мария Герасимовна.— Сорок километров — шутка ли!»

«— Как будете свадьбу справлять — по-старинному или по-новому? — спрашивает ее писатель.

— Какое уж по-старинному, ничего, поди-ко, не выйдет, — отвечает Мария Герасимовна, — да и по-новому тоже не свадьба, — заключает она и начинает рассказывать, как все должно быть, чтобы все по-хорошему...

— А невеста плакать должна?

— В голос реветь должна, как же! Еще до приезда жениха соберутся подружки и начнут ее отпевать под гармошку, все-таки на чужую сторону уходит.

— Она же там работает три года?

— Мало ли что работает, а все чужая сторона. Да и заведено так: родной дом покидает.

— Не умею я реветь, — испуганно говорит Галя, — да и Петя не велел.

— Мало ли что не велел, а пореветь надо хоть немного...

— Не умею я реветь! — повторяет невеста.

Так с первых страниц этой документальной повести, где изменены лишь название деревни да имена, обнаруживается противоречие между самыми добрыми пожеланиями матери невесты, «чтобы все было по-хорошему», то есть «по-старинному бы надо!», — и реальной действительностью. Невеста уже три года как живет не дома, а на льнозаводе, там она выбрала себе жениха, и оплакивать свое замужество, на чем и построен свадебный обряд, ей не хочется, да и «Петя не велел».

Свадьба идет своим чередом и вроде бы по обычаю: играет гармонист, поют жалостливые частушки, вот только со слезами у Гали никак не получается.

Запросватали меня  
И богу помолился.  
У меня на белый фартук  
Слезы повалилися.

«Галя плакала плохо, вскрикивала фальшиво, — замечает писатель, — и тогда на выручку ей пришла молодница, жена брата», у которой слезы сами текут и голос подходящий. Дела пошли лучше, но для матери, Марии Герасимовны, «все было мало. Она привела причитальницу-плакальщицу, соседку Наталью Семеновну».

Наталья Семеновна осталась одна на всю деревню, которая все причеты, «красоту всю» помнит, — то есть знает не только обряд, но и старинные свадебные песни.

Поскольку, как выяснилось, до прихода плакальщицы

все шло неладно, никакой «красоты» на свадьбе не было, она-то и взяла далее дело в руки:

«— Может, кто подтянет? Или нет?»

— Подтянем,— неуверенно отвечали ей.— Ты только запой».

Отходила я да отгуляла летом по шелковой траве,  
И летом по шелковой траве, зимой по белому снегу...

И хоть пела она протяжно и красиво, и, «казалось, изба стала просторнее, потолок поднялся, а сарафаны да кофты запестрели еще ярче»,— замечает писатель,— оказалось, что «вряд ли хоть одна из девушек знала эти старинные свадебные причеты». А невеста, рассказывает он, просто забыла о себе, растерялась, столь необычными показались ей эти Натальины плачи. Да и сама Наталья Семеновна «увлеклась, распелась, а все нет-нет да пояснит что-нибудь: так мало, должно быть, верила она, что содержание старинного причета понятно всем нынешним, трясоголовым; нет-нет да и вставит какую-нибудь прозаическую фразу между строк. Кажется, свадьба эта воспринималась ею не всерьез, а лишь как игра, в которой ей, старой причитальнице и рассказчице, отведена главная роль».

Сетовать ли на это? Или попытаться понять, почему хоть и играется свадьба по старому обычаю, а всерьез этого никто— не только невеста или жених,— даже плакальщица не принимает? Понять хотя бы ради того, чтобы отделить в обрядах и обычаях народных живую воду от мертвой, чтобы, прислушиваясь к естественному течению народной жизни, не уподобляться причитальницам и вопленницам по покойным, а хранить, оберегать и развивать в ней живое, органически вливающееся в сегодняшней день.

Ведь не по чьему-то злому наущению или указу исчезли из памяти народной, если иметь в виду молодое поколение крестьян, старинные свадебные причеты,— что-то изменилось, стало быть, в жизни, если современная невеста в деревне ли, в городе ли не хочет горестно оплакивать свое замужество, по-старинному причитая. Изменилось прежде всего ее экономическое, социальное положение, равно как и нравственное, эстетическое чувство. Плохо это или хорошо?..

С абстрактно-эстетической, этнографической точки зрения, может быть, и плохо. Направляясь по морозцу, по лесной дороге на машине доигрывать свадьбу к жениху, А. Яшин, как он пишет, ехал и твердил про себя пушкин-

ские строки: «Колокольчик однозвучный утомительно гремит».

«До чего ж все-таки не хватает колокольчиков!»

А когда он уезжал в Москву, получил на прощанье бесценные подарки: на чердаках и полатах, пишет он, «нашли для меня набор литых поддужных колокольчиков да воркуны-бубенцы на кожаном конском ошейнике.

Скоро таких не будет и на Севере: не на грузовики же, не на самосвалы же свадебные их навешивать!

Подарили мне также резную раскрашенную прясицу столетней, по крайней мере, давности. Такие тоже, наверно, скоро исчезнут с лица земли... Еще молотило березовое — цеп, валявшийся без надобности почти с начала коллективизации. Удалось мне также достать два заплечных пестеря из березового лыка.

С этими свадебными подарками я и вернулся в Москву. Один пестерь подарил Константину Георгиевичу Паустовскому к его семидесятилетию, другой — знакомому поэту в день его свадьбы и еще в придачу лапти собственного плетения.

Все раздарил. Себе оставил только берестяную солоницу, колокольцы да воркуны на кожаном ошейнике.

Сижу за столом, пишу, да позваниваю иногда: хорошо поют!» — завершает А. Яшин свой рассказ.

Вы ощущаете ту особенную, природную яшинскую интонацию, ту затаенную яшинскую усмешку, с которой повествует он о своем возвращении «с трофеями» после свадьбы в Москву?

Ему, сохранившему живую связь с деревней, конечно, близки и эстетика старинного обряда свадьбы, и звон колокольцев, и берестяная солоница, с которой он в молодости ходил на сенокос. Знает он и цену северной резьбы по дереву, вышитых платов и вологодских кружев.

Но он помнит и другое. Что в реальности стояло за горестными причетами, которые испокон веку пел русский народ на свадьбах; сколько труда и пота отпечаталось на этой отлакированной временем и руками крестьян резной прясице столетней давности; что означали в деревне лапти, которые Яшин сам умел плести и сам когда-то носил.

Сермяжная и лапотная Русь! Он ее и такую любил, но считал, что не сермягой и лаптями надо гордиться.

А. Яшин — писатель, которого не упрекнешь в лакировке действительности. И в «Вологодской свадьбе» — об этом еще пойдет речь — представала суровая правда жизни се-



верной деревни тех, трудных для нее лет. Однако эта правда поверяется другой правдой — правдой того прошлого русской деревни, которое вовсе не было сплошным хоромом с песнями да плясками на зеленом лугу.

«— У тебя двое? — спрашивают мать невесты, Марию Герасимовну.

— Двое осталось, девять было. Все умирали до году, — пожаловилась Мария Герасимовна.

— Отчего такое, жилось худо?

— Да нельзя сказать, что худо жилось. Только работала, себя не жалела. Ни одного ребенка до дому не донесла, то на поле родишь, то на пожне.

— И оба у тебя мелкие ростом, и Галя, и сын этот Николай. Отчего такое?

— Поди, оттого и мелкие, — не обидевшись, ответила Мария Герасимовна, — что ни себя, ни их не жалела...»

Кто-кто, а уж Яшин-то, знавший не только все хорошее, но и все плохое и жестокое в прежней крестьянской жизни («Семья наша постоянно бедствовала, и мне рано пришлось начать работу в полную силу», — напишет он впоследствии в автобиографии), как никто отдавал отчет в реальных тяготах прежнего крестьянского быта, не отделял его эстетички от условий труда и жизни народа, которыми так сторонне восхищаются некоторые знатоки. Он никогда не превращал любовь к народу, любовь к России в доктрину и глубоко иронически относился к лапоткам в гостиных и новомодному туризму по северным местам.

Он знал: да, за годы векового существования в русской деревне сложились своя духовная культура, бытовой, нравственный и эстетический уклад. В нем было много противоречивого, темного, заскорузлого, — но было немало и прекрасного, светлого, была высокая поэзия, естественность, цельность, красота. Она жила и в народных обычаях, и в фольклоре, и в народном костюме, действительно очень разнообразном по губерниям и народностям, и в художественных ремеслах.

Он так же тревожился за уходящие, исчезающие ценности народной жизни, выработанные в вековечном общении человека с природой, землей.

И потому-то ему было «жаль иногда своих детей. Жаль, что они, городские, — писал он в «Угощаю рябиной», — меньше общаются с природой, с деревней, чем мне хотелось бы. Они, вероятно, что-то теряют из-за этого, что-то неуловимое, хорошее проходит мимо их души.

Мне думается, что жизнь заодно с природой, любовное участие в ее трудах и преобразованиях делают человека проще, мягче, добрее. Я не знаю другого рабочего места, кроме земли, которое бы так облагораживало и умиротворяло человека.

В общем, жаль мне своих детей, но я люблю их и потому не упускаю случая постоять перед ними за свою сельскую родословную, за своих отчичей и дедичей».

И в «Вологодской свадьбе», написанной в 1962 году, и в «Угощаю рябиной», написанной в 1965 году, А. Яшин, пожалуй, первым в нашей литературе поставил с такой остротой этот вопрос большого философского звучания: о противоречии между человеком и природой в век научно-технической революции, о путях разрешения этого противоречия. Вопрос этот многопланов. Очевидно, что с ускорением научно-технического прогресса все большее количество людей с неизбежностью будет отдаляться от природы — могучего духовного и эстетического врачавателя и воспитателя душ человеческих, — замыкаясь в искусственной, созданной человеком среде. И второй план проблемы: сам труд на земле, земледелие, крестьянствование все в большей мере будет приближаться в современных условиях к труду индустриальному. Как это скажется на душе земледельца, на красоте поэзии земледельческого труда и быта?

Собственно, та же самая тревога, в иной форме высказанная, позже — и у Солоухина. Так что же — повернуть жизни вспять, остановить, спасти?! Спасти, пока не поздно, прежний духовный и бытовой уклад деревенской жизни, — остановись, мгновение, ты прекрасно, коль скоро просуществовало на земле не один век?!

В том-то и суть внутреннего спора А. Яшина с этой наивно-сентиментальной, а в конечном счете — консервативной точкой зрения, что, по его глубочайшему убеждению, старый уклад жизни родной ему сельщины был не только прекрасным, но и ужасным, что остановить движение жизни невозможно, да и не нужно, что беды северной деревни, описанные, в частности, и в «Вологодской свадьбе», пронстекают не оттого, что она отошла от прежней жизни, но потому, что слишком медленно приближается к новой. Не вследствие, но от недостатка развития новых социалистических начал страдало, на его взгляд, десятилетие назад яшинское Блудново, вся наша северная деревня. Помните: «И снова верится и чудится, что жизнь идет не стороною: когда-нибудь, наверно, случится все остальное».



(1965) политика партии в деревне не только самым корыстным образом устранила все те неурядицы, о которых писал А. Яшин, но и продвинула деревенскую жизнь вперед. А. Яшин стремился принимать в этом личное, непосредственное гражданское участие.

Мало кто знает, что, описывая вологодскую свадьбу, проходившую в сумерки, в освещении пяти ламп — «две свои и три взятые у соседей», — А. Яшин добивался, чтобы в его родные места провели электричество. Что после опубликования «Вологодской свадьбы» по всем деревням округи начали строить — и уже выстроили — клубы. Что теперь в Блудново, как и в других деревнях Никольского, Тарногского, Тотемского и других глухих районов Вологодской области, появились уже не только радио и электричество, но и телевидение. Что экономически наша северная деревня живет теперь так, как она не жила никогда за свою многовековую историю.

А ведь совсем недалеко еще то время, о котором А. Яшин писал: «В огромной деревне Сушпнове до сих пор нет ни электричества, ни радио, ни библиотеки, ни клуба. За два последние года сюда не заглянула ни одна кинопередвижка... А куда деться молодым? К тому же почти все они обременены семилетним и восьмилетним образованием. Раньше девушки пряли лен, собирались на беседки к одной, к другой поочередно, туда же тянулись и парни. Теперь лен трестой сдают на завод. И вот каждая свадьба в деревне становится всеобщим праздником, всеобщей радостью», — она становится «чем-то вроде самодеятельного спектакля». «Не потому ли, — объяснял себе и читателю Яшин, — и сохраняются здесь почти в неприкосновенности все былые обычаи и обряды с волокнистыми песнями про князей и бояр?»

Любопытен ход мысли писателя: былые обычаи и обряды, утратив свою истовость и превратившись в своего рода самодеятельность, сохраняются в этой деревне потому, что в ней нет пока электричества, радио, клуба, библиотеки, кино; иными словами — они сохраняются в деревне, пока в нее не придет доподлинно новая культура, новая духовная жизнь.

Родная, северная деревня берedit душу писателя вовсе не тем, что молодежь, к примеру, не знает протяжных свадебных причетов. И даже не тем, что уходят из обихода прясницы и канули в Лету беседы, где девушки, под песни и частушки, пряли лен, — хотя перемены эти для писателя,

естественно, не остаются незамеченными и не оставляют его равнодушным. «Родные, знакомые с детства слова уходят из обихода», — с грустью свидетельствует поэт. «Сугрѣвушка, фыпки — снегири, дежень, воркуны вне закона. Слова исчезают, как пестери, как прясницы и веретена». Каково личное отношение А. Яшина к этому неминуемому — меняется, идет вперед жизнь — и грустному для него процессу?

Нас к этим словам привадила мать,  
Милы они с самого детства,  
И я ничего не хочу уступать  
Из вверенного наследства.  
Но как отстоять его,  
Не растерять  
И есть ли такие средства?

«Есть ли такие средства?» — вопрос предельной важности для Яшина. За счет чего и за счет кого можно удерживать в жизни пестери, прясницы и веретена — слова, выражающие многие уходящие из жизни явления? Можно ли удерживать эти слова, если русский язык сегодня — «язык луны и планет, наших спутников и ракет» (стихотворение «Русский язык»)?

Описывая жизнь деревни, он не проходит мимо открыток с корзинками аляповатых цветов и со смазливими наrumяненными личиками в сердечках, с подписями: «Люби меня, как я тебя», «Помню о тебе» и т. д. А. Яшин не утаивает и грубости деревенских нравов, пьяного куража жехних, других местных «выпивох». Все это, конечно, далеко от благолепия в описании деревенской жизни. Но что поделаешь, как бы говорит А. Яшин, если она такая? И любит он ее, болеет сердцем — за такую. И страстно хочет, чтобы она стала иной.

В. Солоухин был прав: не Наталья Семеновна с ее старинными «волокнустыми» песнями и причетами, как говорится, положительный герой «Вологодской свадьбы». Но герой такой у Яшина в этом повествовании есть. Кто же? Народ? Да, народ. Проза, в известном смысле, как и «любой пир, — прежде всего люди (цитирую А. Яшина). Человеческие характеры легко и свободно раскрываются на пиру». И так же легко и свободно раскрываются они в подлинной, большой прозе.

«Среди мужчин на пиру очень скоро, — замечает А. Яшин, — объявляются типичные русские правдоискатели, ратующие за справедливость, за счастье для всех. До-

стается от них и немцам, и американцам, и туркам, но больше всего, пожалуй, достается самим себе, своим соотечественникам. Таким людям не до веселья, не до песен, не до плясок. Они обличают, разоблачают, требуют возмездия, протестуют и все время спрашивают: что делать? как быть? кто виноват?..» — с усмешкой повествует А. Яшин, готовя нас к встрече с таким именно характером, близким ему по духу, по натуре и по жизненным позициям.

Такой человек, любимый герой А. Яшина в «Вологодской свадьбе», — шофер лесовоза Василий Прокопьевич. Он «бунтарь по натуре, — представляет его А. Яшин. — Он забывает про еду и пиво, как только начинает рассказывать о непорядках в лесу, при этом лицо его бледнеет, глаза блестят и требуют ответа сразу на все вопросы, какие ставит перед ним жизнь. А ездит он широко и знает много». И до всего ему есть дело. Притом человек этот из тех, кто к себе еще требовательней, чем к другим, и живет по совести. «Василия Прокопьевича ни в каком левачестве не заподозришь: не таков он человек, не тем живет, не о длинных рублях думает». И в требованиях своих он преследует отнюдь не личный, но государственный, народный интерес:

«— ...Вот вы — директор, — напускается он на свадьбе на директора льнозавода. — Знаете ли вы, что у вас на льнозаводе делается? Знаете? Ваши приемщики колхозы грабят, номера тресты занижают...»

И завязывается остроконфликтный разговор о делах нынешних — о тресте, потом о запчастях, — в котором симпатия А. Яшина, да и поддержка райкома партии целиком и полностью на стороне Василия Прокопьевича.

«А с кухни снова зазвенел высокий, нестарушечий голос Натальи Семеновны — и полилась песня про князьев да бояров», — вдруг перебивает этот разговор о сегодняшней жизни явно ироническая ремарка автора.

По всему ходу повествования в «Вологодской свадьбе» видно: активной духовной жизнью, в авторском представлении, живет именно Василий Прокопьевич. Ибо активная духовная жизнь в представлении А. Яшина, — производное от активности социального характера, от чувства гражданской ответственности, от богатства общественных связей личности с жизнью, с людьми.

И хоть автор «Вологодской свадьбы» относится к любимому своему герою с доброй, неприметной иронической усмешкой, характер этот — из тех, которым посвящено

яшинское стихотворение «Век не тот». Стихотворение это, написанное в том же 1962 году, созвучно «Вологодской свадьбе». Начинается оно так:

Тот же дом под старой крышей,  
Под окошком тот же снег,  
Так же много ребятишек,  
То же поле,  
Тот же век...  
Все обычаи живучи.  
Так же пышет печь теплом,  
Так же сушатся онучи  
На жерди перед челом...

Встреча с деревней живо напомнила поэту его деревенское детство и юность, которые пали на начало новой жизни нашей страны,— поэт родился в 1913 году.

Но, увидевшись впервые,  
Мы с ровесником моим  
Все проблемы мировые  
За ночь переворошим.

Судим-рядим до рассвета  
О последних новостях,  
О космических ракетах,  
Без конца — о запчастях.

А потом в колхозном клубе  
Ночь проспорим не одну  
О Китае и о Кубе,  
О Лумумбе и У Ну...

И как закономерный вывод из сказанного:

Те же избы,  
Те же печи,  
Так же полон рот забот,  
Но совсем иные речи:  
Век не тот,  
Не тот народ!

«Не тот народ»,— утверждает Александр Яшин и в своей «Вологодской свадьбе», когда невеста, устав от пьяного куража жениха, гневно бросает ему: «Ну, ладно, ты Чапай... А только я больше тебя зарабатываю. Понял? Чего ломаешься-то?..»

«Что же, для начала, пожалуй, неплохо!»— подумал я,— пишет А. Яшин.— Совет да любовь вам, дорогие мои земляки!»

Вот на каких путях искал Александр Яшин решения вопроса о нравственных ценностях русской деревни.

И более общий вопрос о взаимоотношении человека с природой решал он также не с сентиментально-патриархального кондачка: «...В будущем... должна наступить гармония между городом и лесом»,— отвечает на свою тоску по природе один из героев рассказа «Угощаю рябиной», как бы предвосхищая наши сегодняшние разговоры о том, что нам надо учиться полностью осваивать преимущества социализма в условиях научно-технической революции.

А. Яшин был предельно целомудрен и чист в этой своей любви к малой и большой родине, к своему Бобринскому угору в России, и, как истинно русский человек, вовсе ненавязчив в этой своей любви.

Он мог, как рассказчик, улыбнуться забавной обстоятельности и отчужденности вопросов городского собеседника о той же рябине, которой он всех угощал,— и тут же устыдиться: «Но вправе ли я был ожидать и тем более требовать, чтобы и этот мой товарищ, у которого свой круг жизненных интересов, отличный от моего, но одинаково важный и нужный, чтобы и он смотрел на мою рябину так же, как я на нее смотрю? Не было у меня такого права. Значит, неуместна была и моя ирония».

Будучи глубоко национальным по всей своей сути художником, А. Яшин отвергал любое отвлеченное доктринерство в понимании народа и народности. Знаменателен его ответ на анкету «Дня поэзии» о народности поэзии, о национальных и классических традициях ее, сформулированный уже в больнице и начинающийся так:

«Дорогие друзья!

Завтра мне предстоит операция. Насколько я понимаю — трудная. Делать ее будет «сам БЛОХИН», директор института, в котором я нахожусь, академик. Конечно, я рассчитываю жить и работать вместе с вами еще долго, но это не исключает особой обостренности сегодняшних моих чувств и мыслей о нашем общем деле, что, возможно, скажется и на ответе, потому прошу заранее извинить за всякие перехлесты.

Так вот насчет народности и традиций в поэзии. Оглядываясь назад, я думаю о том, что мы неправомерно много тратим времени на ненужные хлопоты...»

Охарактеризовав эти «хлопоты», поставив в их ряд прежде всего «всяческие якобы теоретические изыскания и разговоры о сущности поэзии, путях ее развития, о традициях и народности», А. Яшин продолжал: «Писать надо, друзья мои! Писать о том, о чем хочется и как хочется, и



только так писать, как можно полнее. Высказывать себя, свое представление о жизни, свое понимание ее и, конечно, как можно правдивее,— правдивее настолько, насколько позволяют собственный характер и уважение к своему человеческому достоинству. Лишь в этом случае можно быть счастливым и достичь в литературе чего-то своего, не изменив ее великим традициям. Только такая работа будет и партийной, и народной».